

“Я” и “мы” в фольклорных магических текстах

Записи текстов магических жанров обрядового фольклора (заговоры, заклинания, приговоры и др.) позволяют выделить инвариантные модели построения древнейших обрядовых текстов, в которых слово, действие и предмет изначально и исконно взаимозаменяемы [7: 23]. Сами модели могли бы иметь весьма интересную плоскость рассмотрения – как этнокультурные явления, являющиеся, по теории когнитивных исследований, “продуктом структур человеческого познания” [4: 126]. Кажется, ни одна устойчивая поэтическая форма, тем более фольклорная, не является случайной: в основе каждой из них лежит вполне определенная прагматическая функция. С этой позиции обрядовые фольклорные произведения следует воспринимать как способ вовлечения каждого члена социума в традиционный культурно-исторический дискурс.

В этих инвариантных моделях отчетливо проявляются и черты субъекта действия (“я”) обрядового магического текста. Например, типичное начало многих любовных заговоров – *“Встану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, волчьими тропами, таракаными ходами...”* – воспроизводит, по существу, реальные действия гадающих на любовь, когда на рассвете, часто сняв крест с груди, шли на перекресток дорог “слушать” или вымалывать у зари-заряницы благосклонность объекта любви (см. например [6]). Грамматическое “я” в таких случаях, выраженное в формах глаголов 1 лица (встану, пойду, покличу, поклонюсь, встречу и т.д.), имеет лишь ситуативную соотнесенность с конкретным лицом, владеющим данным заговором в данное время. Понятно, что “я” в этом случае – только исполнитель заговора, не автор, и даже не импровизатор: магическая функция заговора не позволяет бесконечно расширять зону варьирования текста. Автор присутствует в тексте как необходимый компонент существования звучащего тек-

ста: семантическая парадигма использованных глаголов-действий, приписываемых автору, обеспечивает содержательную цельность текста, его динамику, последовательность смены картин, ритмику.

Интересно в этом смысле и авторское “мы” в ряде магических коллективных жанров. Так, например, о колядовщицах, славящих хозяев дома и сулящих им богатство и удачу на Коляду, много писали в XIX веке как об особой категории людей, в древности избравшихся по какому-то сакральному признаку. “Судя по всему, ... [они] – первоначально тесно замкнутое общество, братство”, наделенное особыми жреческими полномочиями в языческую эпоху [2: 263]. Неслучайно основной субъект действия, в колядках и других славельных жанрах – коллективное “мы”, предполагающее и избранность своего сообщества и его открытость одновременно. Обобщенное “мы” в текстах колядок выражено достаточно четко. Выполнению этой задачи служат прежде всего лексические и грамматические средства. Так, скажем, частое употребление местоимения “мы” (в различных грамматических формах), а также использование односоставных определенно-личных предложений со сказуемым во множественном числе первого лица обеспечивает ситуацию коллективности, соборности действия:

Вот ходили мы, / Вот искали мы, / По проулочкам, / По закоулочкам... [3: 60];

Были и в городе, видели чудо великое. / До вашего дому едва добрались [3: 92].

Созданию атмосферы коллективности действия служит и употребление притяжательного местоимения “наш” в различных грамматических формах:

Наша-то коляда / Ни мала, ни велика. / Она в дверь не лезет / И в окно нам шлёт.. [3: 57].

Редко, но колядовщики, случалось, называли в песенках себя особым наименованием, и тогда “мы” уточнялось названием этих избранников магического коллективного действия:

... Нам же, славцам, / Не рупь-полтина, / – Единая гривна... [3: 70].

...*Не пора ли тебе, хозяин, виноградчиков дарить? / Пора жаловати, да не отказывати...* [5: 111].

Ситуация коллективного заклинания достигается также путем частого употребления форм повелительного наклонения в строках, поющих хором и представляющих собой часть общего, единого обращения к божеству / божествам, Богу:

А дай Бог тому, / Кто в этом дому, / Ему рожь густа, / Рожь ужиниста... [8: 383].

Достаточно категоричное повеление звучит в устах колядовщиков и при обращении к неведомому божеству с требованием “дать рожь ...”, “дать кишку, Свенинную ножку...” “Мы” в песнях лирических имеет несколько иную семантику – “мы” = “все” = “каждый”. В хороводных песнях “мы” близко по глубинной семантике коллективному “мы” в колядках, поскольку хороводные песни первоначально имели мифологическое значение заклинания солнца.

Внутренняя целостность фольклорного текста, таким образом, обусловлена единством “образа автора” как специфичного для данного поэтического материала феномена, которого отличает не субъективирование изображаемого, а максимальное выражение “культурного знания”, присущего каждому члену данного социума; каждое исполнение фольклорного произведения есть не что иное, как “трансляция уже санкционированного коллективного опыта. В широком смысле такой опыт является опытом социализации субъекта, то есть опытом превращения индивида в члена данной культурно-исторической общности” [1: 19].

Литература

1. Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
2. Довнар-Запольский М.В. Исследования и статьи. Т.1. Киев, 1909.
3. Земцовский И.И. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970.
4. Кибрик А.Е. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания, 1994. №5. С. 126-139.

5. Куликовский Г.И. Беседные складчины и ссыпчины Обоенья // Этнографическое обозрение, 1889. №1. С. 106-114.
6. Майков Л. Великорусские заклинания. СПб, 1869.
7. Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995.
8. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры / Отв. редактор К.В.Чистов. М., 1987.

А.В.Субботина

Воронежский университет

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ АФОРИЗМОВ И ПОСЛОВИЦ

Современный этап развития языкознания характеризуется появлением дисциплин синтезирующего типа, в которых языковой материал изучается в широком контексте, т.е. с привлечением данных других наук. Так, когнитивная лингвистика исследует способы представления знаний о мире и процессы когниции, которые находят отражение в языке. Лингвокультурология занимается проблемами взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры. Лингвоаксиология рассматривает язык как зеркало базовой системы ценностей социума.

Афоризм как индивидуально-авторский текст и пословица как фольклорный текст обладают способностью аккумулировать экстралингвистическую информацию и оказывать влияние на формирование мировоззрения адресата.

Изучение афоризмов и пословиц с позиций когнитивной лингвистики позволяет реконструировать отдельные элементы картины мира как совокупности представлений индивида или народа о мироустройстве (способах организации бытия) и миропорядке (правилах социального взаимодействия). В афоризмах и пословицах объективируются наиболее значи-